

С. Г. Осьмачко <https://orcid.org/0000-0001-9304-0754>**Парадоксы credo К. Н. Леонтьева**

В статье рассмотрено научное наследие К. Н. Леонтьева (1831-1891 гг.) в аспекте его противоречивых, парадоксальных формы и сущности. Показано, насколько сильное влияние на современников оказывала сама литературная манера К. Н. Леонтьева, его умение увидеть проблему, «отточить» ее в том или ином стилевом парадоксе, заставить говорить и писать об этом практически всю российскую общественность. Мы видим, что за парадоксальностью содержания идейно-теоретического учения К. Н. Леонтьева прячется настоящая диалектическая противоречивость, двигающая отечественную общественную мысль иногда в совершенно неожиданных направлениях. В качестве примера приводятся несколько систем леонтьевских противоречий – от личных до религиозных, моральных, политических. Предпринята попытка сформулировать credo К. Н. Леонтьева; определить систему его универсальных констант (личный подход – до персонализма; система защитных барьеров для его теорий – до абсолютизации; гуманитарно-эстетический метод – вплоть до прославления зла и пр.). Сформулированы основные положения, составляющие основу его литературно-политического портрета. Рассмотрены проблемы идентификации К. Н. Леонтьева и как славянофила, и как консерватора. Выделены основные положения его позиций по большинству вопросов внутренней политики; показано, почему для многих К. Н. Леонтьев остался действительно непонятным до конца автором, почему его традиционно обвиняли в «публицистичности», чем была вызвана его пресловутая авторская торопливость и пр. Особое внимание уделено отношению к К. Н. Леонтьеву лучших критиков и авторов того и более позднего времени – Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, С. Л. Франка и др.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, византизм, цветущая сложность, Россия, крепостное право, реакция, консерватизм, credo, парадокс, диалектика.

S. G. Osmachko

Paradoxes of K. N. Leontiev's Credo

In the article the scientific heritage of K. N. Leontiev (1831-1891) is considered in aspect of its contradictory, paradoxical form and essence. It is shown, how much K. N. Leontiev's literary manner influenced contemporaries, his ability to see a problem, «to perfect» it in this or that style paradox, to compel practically all Russian public to tell and write about it. We see that behind paradoxicality of contents of the ideological and theoretical doctrine of K. N. Leontiev there is true dialectic discrepancy moving the domestic social thought sometimes in absolutely unexpected directions. Several systems of Leontiev's contradictions are presented as examples – from personal to religious, moral, political. An attempt is made to formulate K. N. Leontiev's credo; to define the system of his universal constants (personal approach – to personalism; the system of protective barriers for his theories – up to absolutization; a humanitarian and esthetic method – up to evil glorification and so forth). The basic provisions are formulated and they are a basis of his literary and political portrait. Here are considered problems in identification of K. N. Leontiev both as a Slavophile and as a conservative. Basic provisions of his positions on the majority of questions of domestic policy are allocated; it is shown why for many people K. N. Leontiev remained the author really unclear up to the end, why he was traditionally accused of «publicisticness», and what caused his notorious author's haste and etc. Special attention is paid to the attitude towards K. N. Leontiev of the best critics and authors of that and later time – L. N. Tolstoy, F. M. Dostoyevsky, N. A. Berdyayev, S. N. Bulgakov, P. B. Struve, S. L. Frank and many others.

Keywords: K. N. Leontiev, Byzantism, blossoming complexity, Russia, serfdom, reaction, conservatism, credo, paradox, dialectics.

Большинство авторов, обращавших свое научное внимание на творчество и идейное наследие видного мыслителя второй половины XIX в. *Константина Николаевича Леонтьева (1831-1891 гг.)*, отмечали его оригинальность, парадоксальность и принципиальную непохожесть даже на представителей консервативного идейного направления. Н. А. Бердяев писал, что К. Н. Леонтьев был «человеком меняющимся», который «не цеплялся за стереотипы», которому «не нравилось быть таким, как все». В этом стремлении он доходил до крайности, что дало основание Н. А. Бердяеву

сделать насчет К. Н. Леонтьева и такое замечание: «Безусловно, было в нем что-то бабское, капризное, давяще-молящее» [6, с. 172].

Мы полагаем, что эта внешняя парадоксальность прямо проистекала из присущей К. Н. Леонтьеву внутренней противоречивости и, быть может, определенной эклектичности его мирозерцания. Поэтому в данной статье мы ставим перед собой следующую **цель**: в оценке творческой личности К. Н. Леонтьева проникнуть от сущности первого порядка (оригинальность, внешняя противоречивость мыслительных

процессов) к сущности второго порядка (диалектическое единство сложных по сути концепций и программ); каким-то образом оценить «причудливое, почти противоестественное сочетание леонтьевских качеств: эстетизма и христианства, эротизма и аскетизма, великодушия и жестокости, русскости духа и высокомерного аристократизма» [24, с. 104].

В аспекте методологического дуализма, столь свойственного К. Н. Леонтьеву, мы можем обратить внимание на систему его внутренних противоречий, в схематическом виде предложенную К. М. Долговым [13, с. 6]:

любовь к жизни, к наслаждениям, уловляющим	отказ от жизни ради монашеского аскетизма
пламенный патриотизм	неверие в Россию и в русский народ
неистовый борец против либерально-эгалитарной Европы, поклонявшейся Востоку	однозначный западник
великий гуманист	выступал за деспотизм, силу, принуждение, неравноправие
защитник самобытности России	видел истоки этой самобытности в византийских началах и формах
блестящий современный политический мыслитель	звал Россию назад, к византийской государственности и религиозным началам
глубоко верующий	упирал на трансцендентный эгоизм, личное спасение, страх Божий, приход Антихриста (но не Царства Божьего)
любил литературу (современную и классическую, отечественную и зарубежную)	резко критиковал современную ему литературу, боролся против реализма и натурализма
мягкий, добрый, чуткий человек	идеализировал силу, первенство, войну; страдания
талантливый писатель, выдающийся эстет	преклонялся перед эстетикой жизни

В этой противоречивости мыслительного склада К. Н. Леонтьева мы наблюдаем стихийно проявляющуюся де-факто тягу к диалектичности (порой срывающуюся в эклектизм), хотя К. Н. Леонтьев сознательно выступал против диалектических методик. Можно согласиться с мнением о том, что идеи К. Н. Леонтьева «остаются прежде всего оригинальными, они привносят не столько головокружение от истины, сколько глоток новизны» [29, с. 8]. По мнению современников, «в истории русской религиозной философской мысли трудно представить себе что-нибудь более противоречивое и сложное, чем наследие этого мыслителя» [19, с. 135].

Вполне естественно, что при таком внутреннем несовпадении с самим собой К. Н. Леонтьев был обречен на отторжение собственной среды и ее субкультуры. Действительно, его «уважают очень многие, но любят только единицы. Да, он, без всякого сомнения, классик. Но какой-то странный, загадочный, маргинальный классик» [34].

В основе этого отчуждения – принципиально различное понимание гуманизма, его идеи; у современников К. Н. Леонтьева вызывала настороженность (и даже полное неприятие) его чрезмерная апелляция к силе государства, вообще к феномену государственной мощи, к самодисциплине, к воинской доблести, к трудным проблемам феодальных, крепостных пережитков и пр.

Кредо К. Н. Леонтьева. Универсальные (базовые) константы. Под константами мы будем понимать некие постоянные величины (характеристики) в социальной сфере, которые продолжают оставаться неизменными в череде меняющихся проблем, явлений и процессов. Что же касается универсалий, то это некоторые достаточно стабильные внешние понятия, составлявшие собственно кредо К. Н. Леонтьева. То есть универсальные константы – для личности – есть нечто неизменное (для К. Н. Леонтьева – абсолютное), своего рода инвариантное свойство социально-политической и экономической сфер жизни общества.

Заметим, что в основе всех построений К. Н. Леонтьева лежит личностный подход, позволявший осуществлять субъективацию значимого содержания в окружающем его мире. То есть личность автора, в данном случае выступает исходным пунктом, объектом и предметом познания. Это первая составляющая мирозерцания К. Н. Леонтьева.

Вторым базовым фрагментом когнитивного контура К. Н. Леонтьева выступает своеобразная система барьеров, защищавших его от неупорядоченности и агрессивности окружающего мира. К числу этих барьеров (выраженных в системе дефиниций) мы можем отнести «силу», «страх», «отчаяние», «форму», «порядок» и некоторые другие.

Какова роль этих барьеров в сложной системе социальных коммуникаций К. Н. Леонтьева? По нашему мнению, теоретического, научного смысла в них немного; они, скорее, дань уважаемого автора столь присущему ему радикальному пессимизму и пр. Далее, в психологическом, персоналистском плане эти барьеры позволяли К. Н. Леонтьеву «подгонять» реальную жизнь человека и общества под собственные теории.

Третьим фрагментом кредо К. Н. Леонтьева выступает тот методологический принцип эстетического романтизма, который пронизывает все его умозрительные установления. 6 июля 1881 г. К. Н. Леонтьев в письме

к И. И. Фуделю следующим образом изложил свой социальный идеал: «1) государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно; 2) Церковь должна быть независимее нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна смягчать государственность, а не наоборот; 3) быт должен быть поэтичен, разнообразен в национально обособленном от Запада единстве; 4) законы, принципы власти должны быть строже, люди должны быть лично добрее, одно уравнивает другое; 5) наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе» [26, с. 385-386].

В итоге К. Н. Леонтьев задает своему другу следующий вопрос: «Ясен ли я в моем идеале для других – не знаю?...» [26, с. 381].

Как мы видим, своеобразная эстетическая, романтическая подоплека базовых леонтьевских положений не просто освещает в вышеприведенном отрывке из письма; она также вполне способна «уводить» мысли и автора, и читателя в сторону (далеко в сторону). Все это действительно затрудняет восприятие теорий К. Н. Леонтьева. Ему «вообще свойственно было почти сладострастное, демонстративно-нарочитое выстраивание цепи антитез против известных и ставших безусловными взглядов кумиров общества, нарочитое раздражение общественного мнения» [31, с. 43].

Четвертым фрагментом кредо К. Н. Леонтьева выступают многочисленные, часто не связанные между собой те или иные проблемы современного ему социального бытия. Наиболее отчетливо проявились следующие из них:

- теория триединого исторического процесса (сюда примыкает проблема социальной формы: ненавидимого им демократического – «эгалитарного» – прогресса; носителя идеи либерализма – среднего класса; аристократические ориентации и пр.);

- пессимизм онтологических установок;

- определяющая роль аристократии как «высшей формы вкуса»;

- особый эстетизм, позволяющий видеть подлинную красоту жизни (пусть даже в ущерб моральной составляющей, этической оценке);

- православная религия, церковь, в программах которой К. Н. Леонтьев особо выделял эсхатологическую проблематику, страх перед Богом и суровость православного канона;

- культ любви, эротического удовольствия, восхищение женщиной (одновременно – стремление «загнать» женщину на кухню, в детскую и пр.).

Все вышеперечисленное вряд ли можно назвать научным знанием. Действительно, К. Н. Леонтьев был мыслителем, но вряд ли являлся ученым в подлинном смысле этого слова. В его исканиях трудно выделить

конкретную научную составляющую. Он не развивал завершенных теорий, не обладал сложными навыками причинно-следственного анализа и пр. В 1890-е гг. он был необыкновенно востребован, но как публицист; его сочинения «растаскивали» на цитаты, но на злобу дня. Позже он был мало известен [18, с. 204].

В конце 1890-х гг. увидел свет двухтомник произведений К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство (1885-1886 гг.)». В первом томе автор систематизировал свои рассуждения по восточному вопросу, в материалах второго тома – рассуждал о проблемах внутренней политики России. Многие мыслители того периода почитали необходимым откликнуться на выход указанного сборника, заметив при этом, что К. Н. Леонтьев «отказывается от традиционного философского стиля. Для него важна не непрерывная логика изложения, а сконцентрированность на основополагающих идеях. В первую очередь, это идеи эсхатологической устремленности современной истории и поиска выхода из ситуации всеобщего разложения и распада» [1, с. 97].

То есть К. Н. Леонтьев предстает в наших глазах не строгим логиком или систематизатором научного знания; он скорее широк в своих построениях, нежели глубок.

Думается, в постижении творчества К. Н. Леонтьева немалую роль играет осмысление его *литературно-политического портрета*. Известно, что при Советской власти К. Н. Леонтьев практически не издавался. Но и до революции его произведения не так часто выходили в свет, поскольку он буквально не вписывался ни в одно из существовавших политических направлений. К. Н. Леонтьев не был официальным деятелем ни одного из них. Он был настолько оригинален и самобытен, что его никто не смог «поставить в строй».

Мы полагаем, что творчество К. Н. Леонтьева «не пригodiлось» ни одной из действовавших в тогдашней России политических сил не потому, что «западники и славянофилы мстили ему упорным и злонамеренным молчанием», а потому, что и тогда, и сейчас «место его концепции в истории русской общественной мысли не прояснено до конца» [40, с. 61-62].

Забегая вперед, отметим, что К. Н. Леонтьев явно опережал свое время, предусмотрел многое из того, то ожидало мир и Россию в будущем (например, сталинизм, мировые войны и пр.). У рафинированных политиков – представителей общественных партий конца XIX в., своего рода «системной оппозиции» – он вызывал и настороженность, и испуг.

К. Н. Леонтьеву импонировали такие политические деятели, как Николай I, публицист, издатель и литературный критик консервативно-охранительного направления М. Н. Катков (их личные отношения не сложились, но К. Н. Леонтьев называл М. Н. Каткова

«нашим политическим Пушкиным») и даже его явный противник Ф. М. Достоевский (К. Н. Леонтьев весьма критично оценил его Пушкинскую речь 8 (20) июня 1880 г.) [31, с. 43].

Симпатические фрагменты их отношений не проявились активно и публично, а вот взаимной критики хватало: М. Н. Катков так отозвался на выход первого тома сочинения К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство»: «Леонтьев дописался до чертиков»; Ф. М. Достоевский за критику его Пушкинской речи назвал К. Н. Леонтьева «еретиком»; эту точку зрения разделяли И. С. Аксаков, Н. С. Лесков и мн. др.

Трудно не согласиться с принципиальным мнением, высказанным в свое время С. Л. Франком: «Общественное мнение знает Леонтьева только как яростного реакционера и изувера» [38, с. 236]. Сходная точка зрения имела место и в наши дни: «В 1990-е годы вырос интерес к идеям философского консерватизма. В этом ряду имя К. Н. Леонтьева занимает одно из ведущих мест» [4, с. 157]. Для советских исследователей, анализировавших все и вся с точки зрения «марксизма-ленинизма», было ясно, что «голосом Леонтьева говорила наиболее социально привилегированная и откровенно реакционно настроенная часть русской аристократии». Для них мирозерцание Леонтьева представлялось «ярким выражением того типа мировоззрения, которое явилось феодально-аристократической реакцией на установление капиталистических общественных отношений» [11, с. 76-77].

Затруднение политической идентификации учения К. Н. Леонтьева связано, в том числе, и с тем, что он «с удовлетворением подчеркивал свое расхождение и с официальной идеологической доктриной, и с близкой ему по духу исторической традицией славянофилов, и тем более с идейными противниками – либеральными и демократическими течениями» [2, с. 85].

Парадоксальность К. Н. Леонтьева влияла и на процесс его политической идентификации. Как только не называли нашего уважаемого автора: «разочарованный славянофил», «романтик реакции» и пр. По поводу реакционности К. Н. Леонтьева еще в 1910 г. высказался вышеупомянутый С. Л. Франк: многим «духовно консервативным прогрессистам мы можем открыто предпочесть духовно прогрессивного реакционера Леонтьева» [8, с. 11] и далее: «Он был революционером в услужении реакции» [38, с. 239].

Точку в этих (и подобных) рассуждениях поставил Д. С. Мережковский, который коротко, но емко проанализировал политическое значение творчества К. Н. Леонтьева: «Леонтьев – глубокий мыслитель и никуда не годный политик. Есть много в политике, что можно делать и о чем нельзя говорить. Можно бить кулаком по лицу, но нельзя кричать на всю Европу, на

всю Россию, что в кулаке – Царство Христово. Можно вешать, но нельзя говорить, что единственное начало русской государственности – виселица» [27, с. 243]. Трудно не заметить ту вселенскую горечь, с которой говорит о К. Н. Леонтьеве Д. С. Мережковский.

А. Г. Мячин предложил следующую схему классификации отечественного консерватизма [28, с. 56]:

Государственно-охранительное направление	М. Н. Катков Л. А. Тихомиров К. П. Победоносцев
Национально-охранительное направление	И. С. Аксаков В. И. Ламанский А. А. Киреев Н. Я. Данилевский Н. П. Гиляров-Платонов Н. Н. Страхов
Православно-охранительное направление	Ф. М. Данилевский К. Н. Леонтьев

Существуют и иные варианты классификации консервативного движения. Так, К. Ю. Загоруйко выделяет

а) «консерватизм английской традиции», имеющий идеалом настоящее;

б) «консерватизм европейской традиции», имеющий активный наступательный характер, стремящийся к реставрации прошлого, отвергаемого настоящим.

К. Н. Леонтьев может быть отнесен к европейской традиции, его идеи «носят ярко выраженный атакующий, реставрационный характер» [15, с. 24]. В данном случае обратим внимание на следующее замечание Ю. П. Иваска: «Леонтьев был антиреволюционером с революционным темпераментом» [21, с. 176]. Не случайно С. Сергеев предлагает для идентификации К. Н. Леонтьева такие разновидности консерватизма, как «решительный консерватизм реформы» или «действенно-преобразующая реакция» и пр. [33, с. 21]. И действительно, мы помним, что К. Н. Леонтьев стремился и к поддержанию старины, и к созданию условий для ее цветения.

Еще при жизни К. Н. Леонтьева распространилось мнение, будто он своими консервативными установками оказал влияние на формирование реакционного курса Александра III («контрреформы»). Возможно, это произошло по следующим причинам: 15 марта 1880 г. К. П. Победоносцев в письме рекомендовал будущему императору для прочтения статью К. Н. Леонтьева о судах присяжных в России. Наследник престола ответил обер-прокурору Святейшего Синода коротко: «Прочел с удовольствием!» [30, с. 183].

Сам К. Н. Леонтьев – в отношении своего влияния на формирование внутренней политики Российской империи – высказался следующим образом: «О моем влиянии на реакционные реформы... Разве метеоролог, верно предсказывающий погоду, имеет на нее самостоятельное влияние?» (из письма К. Н. Леонтьева

В. В. Розанову 13 июня 1891 г.). В. В. Розанов заключил: «Практические русские государственные люди едва ли его и перелистывали» [32, с. 356].

По этому поводу высказался и сам К. Н. Леонтьев. 26 апреля 1888 г. он писал В. А. Попырникову: «Осуществления значительной доли моих идей, национальных мечтаний, политических пророчеств и эстетических надежд мне, конечно, уже и видеть не придется по годам и здоровью моему; но те-то идеи особенно и заслуживают названия бескорыстных, чистых и высоких, которым человек пламенно и твердо служит, не только не извлекая из них себе прямых и обязательных выгод, но и не рассчитывая даже насладиться лицемерием их осуществления в исторической жизни своей дорогой Родины» [26, с. 359].

С. Н. Дурьин заметил, что для литературных критиков есть писатели легкие, такие, например, как А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Н. А. Гончаров, А. П. Чехов; и есть трудные – Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и К. Н. Леонтьев [14, с. 270]. Многие современники К. Н. Леонтьева (например, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.) отдавали безусловную дань восхищения и уважения его личности, писали о нем как об одном из самых блестящих и оригинальных русских умов; но при этом они же отказывали ему в корнях как философских, так и национальных, акцентировали его «интеллектуальное одиночество» и пр. [12, с. 32; 30, с. 133].

Продолжая тему литературно-политического портрета К. Н. Леонтьева, обратим внимание на следующее:

1. И современники, и потомки давали К. Н. Леонтьеву самые высокие оценки и одновременно по-настоящему, до конца не понимали его творчества. Вот несколько цитат, подтверждающих комплиментарность современников:

С. Н. Булгаков (1871-1944 гг.), православный священник, экономист, философ, богослов: «Не поспешила на него природа. Почти суеверное удивление возбуждает сила его ума, прожигающего каким-то холодным огнем. Кажется, что слишком умен Леонтьев, что и сам он отравляется терпкостью и язвительностью своего ума. Словно железными зубцами впивается его мысль в предмет, размельчает его и проглатывает» [9, с. 377].

П. Б. Струве (1870-1944 гг.), русский общественный деятель, историк, социолог, экономист, философ: «Константин Леонтьев – огромное явление русской духовной культуры, и знать о нем, о роли его должен всякий, кто желает блюсти и ценить культуру» [35, с. 186].

С. Л. Франк (1877-1950 гг.), русский философ и религиозный мыслитель: «Леонтьев представляет

собой совершенно исключительное явление, как религиозный мыслитель в среде русских писателей он превосходит Вл. Соловьева, Толстого и уступает только Ф. М. Достоевскому» [38, с. 235-236].

А. Г. Закржевский, доцент Европейского (СПб) университета: «Он заявил неслыханное дерзание: пошел в разрезе со своим временем, с господствующими идеями, с догматами, с традициями – во имя своей личной свободы, во имя истинной индивидуальной свободы, которая непонятна стаду» [17, с. 266].

Ю. П. Иваск (1907-1986 гг.), писатель, автор наиболее обстоятельной биографии К. Н. Леонтьева: «Леонтьев – это роскошь России, это избыток, породистый конь или – из братьев-разбойников» [39, с. 186];

В. А. Тернавцев (1866-1940 гг.), учредитель Религиозно-философских собраний: «Леонтьев – это Лермонтов русской философии» [14, с. 234].

Н. А. Бердяев (1874-1948 гг.), философ, писатель, 7 раз номинировался на Нобелевскую премию по литературе: «Леонтьев был одним из самых смелых, дерзких и крайних мыслителей, и величина он крупная» [5, с. 225].

К. И. Зайцев (1887-1975 гг.), православный священник: «Леонтьев – утонченнейшее и гениальнейшее проявление русской светской культуры» [16, с. 197].

Л. А. Тихомиров (1852-1925 гг.), народник: «Страстный, кипучий человек, с тонким умом, с изящными наклонностями художника, со способностью к фанатической вере он соединял огненный темперамент политического агитатора с умением знать, чувствовать, жить и действовать» [36, с. 153].

Г. В. Иванов (1894-1958 гг.), русский поэт, переводчик, публицист: «Константин Леонтьев был писателем большого таланта, человеком огромных страстей к Богу, к высокому, к вечному» [20, с. 194].

Казалось бы, что может быть лучше? Изысканная комплиментарность вышеприведенных оценок не затмевает того факта, что за похвалой часто следует критика.

Что обычно подвергалось переосмыслению в творчестве К. Н. Леонтьева? Прежде всего, в разном качестве выделялись различные ипостаси его теоретического инструментария (многие авторы «ставили выше» леонтьевские социологические и религиозно-философские воззрения, в ущерб его беллетристике или литературной критике [16, с. 198]; «он прошел свой литературный путь не только малозамеченным, но и одиноким, чтобы не сказать отверженным» [8, с. 4]).

Иными словами, ясно, что идейно-теоретические позиции К. Н. Леонтьева всегда были неоднозначными как по содержанию, так и по значению. Стало уже общим местом, например, обращать внимание на прева-

лирование эстетических начал в большинстве его социально-политических идей [8, с. 4].

Историография традиционно относит К. Н. Леонтьева к представителям махровой реакции; но в его теоретических построениях мы можем найти элементы и реакционного консерватизма, и радикального анархизма. Не случайно бытует мнение, что «пошлая толпа поняла Леонтьева лишь с одной стороны» [17, с. 266-267]; якобы он «оказался даровитым писателем и оригинальным мыслителем, который вследствие неудачной судьбы, особенностей времени и собственного характера не играл той роли, которую мог бы играть» [20, с. 189].

В советское время некоторые исследователи доходили до того, что приписывали действительно не столь уж научным взглядам К. Н. Леонтьева «научную гордыню» [10, с. 148]. К подобным оценкам легко подойти, если неверно оценить масштаб этой замечательной личности. К. Н. Леонтьеву удалось найти несколько важнейших методологических положений, за которыми – в современном понимании – возможно, находится путь спасения будущего культуры; речь идет о таких понятиях, как «подвиг», «подвижничество», «спасение человеческой души через самоотречение», «соучастие» и др. [23, с. 435].

Но читающая публика в конце XIX в. как бы не замечала культурологического значения работ К. Н. Леонтьева; их мало печатали, хотя во второй половине 1880-х гг. положение несколько поправилось; это «позднее прозрение публики» [29, с. 7] заставило К. Н. Леонтьева горько переживать. Трудно не согласиться с Д. С. Мережковским: «Почти все, кто писал о нем, мало знали его, потому что мало любили. Знание – это любовь» [27, с. 241].

Одной из причин, почему К. Н. Леонтьев подвергался критике, была такая особенность его творческой манеры, как стремление к оппонированию, «желание быть опровергнутым» [2, с. 86]. К. Н. Леонтьев периодически эпатажил мыслящую публику, «вызывал на себя огонь» критики со стороны представителей всех идейно-теоретических направлений. И тем не менее, «после смерти он был причислен к предтечам теории религиозного возрождения России» [2, с. 86].

Таким образом, непонятость, недооцененность творческого наследия К. Н. Леонтьева – научный факт. По-другому и быть не могло, ведь – по ряду позиций – он намного опередил свое время (хотя в чем-то принципиально отставал), был нацелен на оппонирование и не скупился на хлесткие, жесткие оценки и заключения. 16 июня 1890 г. К. Н. Леонтьев писал И. И. Фуделю: «Мое положение или моя роль в русской литературе совсем особая и даже непонятная. Не знают,

в какую “клетку” меня посадить, не знают, что обо мне подумать и написать» [22, с. 156].

Ныне настало время время разобраться в хитросплетениях творческой биографии К. Н. Леонтьева.

2. *Избыточная публицистичность творчества К. Н. Леонтьева.* Об этой особенности творческой манеры, проявлявшейся практически во всех произведениях уважаемого автора, пишут как его сторонники, так и противники.

Думается, данное положение напрямую проистекает из-за недостатков системности в его работах; «...своего продуманного учения у Леонтьева не было (или оно было второстепенным)», – писал один из лучших специалистов относительно леонтьевской биографии Ю. П. Иваск [21, с. 178].

Подлинная система предполагает наличие каких-то критериев, на основе применения которых многообразие мира когнитивно упорядочивается. Далее обязательным признаком системности является иерархия, отражающая уровни упорядоченной реальности. Все вместе это предполагает, по крайней мере, последовательность (чего у К. Н. Леонтьева порой явно не хватало). Его умопостроения и теоретические изыскания часто не отличались академической (а порой просто логической) стройностью, последовательностью, доказательностью, аргументацией, фактологией и пр.

В работах К. Н. Леонтьева недостаточно разработана философская, последовательно-методологическая основа; в них присутствует своеобразный «эффект ромашки» – фрагменты его знания представляются торчащими в разные стороны лепестками, не всегда связанными между собой; поэтому он «волюнтаристически натягивает свои программы», последовательно занимается «авторским укладыванием» в текст тех положений, которые кажутся ему более подходящими [31, с. 33], и запросто отвергает все то, что в его схемы не укладывалось.

Логично, что К. Н. Леонтьев прекрасно видит и осмысливает отдельные проблемы, принципиально ставит, освещает частные вопросы, но вышеотмеченное отсутствие должной системности показывает, что он все же последовательно занимается «невыкристаллизовавшейся, неформализовавшейся рефлексией» [2, с. 85]. Трудно не согласиться с мнением С. Н. Трубецкого о том, что «учение Леонтьева нелегко изложить, так как он сам нигде не излагал его в связной форме и, не обладая способностью систематического построения, писал лишь газетные и журнальные статьи» [37, с. 135].

А некоторые авторы (Л. Р. Авдеева и пр.), определяя философско-методологическую основу леонтьевского учения, употребляли такой термин, как «сверхлогиче-

ская катастрофичность» [2, с. 86].

Формалисты от научной методологии всегда упрекали К. Н. Леонтьева в эклектичности знания, его излишней эстетизации, в избытке психологизма; все это, по их мнению, мешает созданию «настоящей» теории. Не стоит забывать и о серьезном фрагменте самолюбования, иногда достаточно прозрачно проявляющегося в леонтьевских текстах. Все вышеперечисленное часто мешает пониманию нарративов К. Н. Леонтьева в системном ключе.

Действительно, К. Н. Леонтьев часто «был слишком горд своим умом»; к тому же «образован он был недостаточно и знал сравнительно мало» [9, с. 377-378]; но все-таки его творчество неправильно просто относить к чему-то бессистемному, алогичному. У К. Н. Леонтьева был свой метод, некоторая философская основа. Эту основу можно выразить как «принцип единства развития», эстетической романтизации (что, конечно, вряд ли всегда и во всем применимо); возможно, эта упрощенная конструкция «позволяет ему легко переводить фокус своего внимания на разные предметы – от естествознания до гуманитарного знания» [24, с. 26]. И пусть множество мыслей К. Н. Леонтьева «не развиты систематически и последовательно», вышеперечисленные особенности (недостатки?) систематизации все же позволяют подойти к анализу таких современных проблем, как цикличность и множественность культур (цивилизаций), несинхронность и продолжительность их существования (К. Н. Леонтьев, например, утверждал, что культура живет дольше, чем народ, а народ – дольше, чем государство).

Несомненно, что нелинейные леонтьевские подходы (вопреки подходам формально-логического порядка) позволяют

а) по-новому оценивать, например, религиозную ситуацию (в том числе в современной Российской Федерации);

б) вырабатывать своеобразные философские концепции жизни и смерти, смысла жизни, любви и красоты;

в) предложить уникальные методики анализа формирующихся цивилизаций и пр.

Все это возможно осуществить при обязательном соблюдении одного леонтьевского условия – «сохранении устоев своего бытия» [3, с. 306].

3. Спешка как форма осуществления леонтьевского замысла. Нетрудно заметить, что поспешность и есть одна из предпосылок леонтьевского подхода к оценке мира и себя. Он был интеллектуально, когнитивно тороплив, что замечали многие. И это же приводило его к немалым метафизическим затруднениям.

Н. А. Рабкина, характеризуя главный труд К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство», замечала: «Писал он с видимой лихорадочной торопливостью. Казалось, автор боялся опоздать посвятить соотечественников во вдруг открывшуюся, только ему одному известную тайну отечественной истории, в суть особой предназначенности российского государства. Круг сообщаемых им историко-политических сведений представляется весьма значительным и многообразным, но в обращении с конгломератом фактов чувствуется лень, волонтаризм, небрежность одаренного дилетанта» [31, с. 31].

Иногда внешне дело выглядит таким образом, будто К. Н. Леонтьев высокомерен, будто он полагает, что ему достаточно только упомянуть какую-нибудь идею, факт и пр., как всем станет понятно, что он имеет в виду. Здесь проявляется не только «одаренность дилетанта», пусть даже небрежная; здесь еще и пламенная страсть трибуна, проповедника идеи новой России, достигающая уровня цветущего многообразия, отрицающего демократический эгалитаризм европейского образца. Он не просто спешит, он пропускает то, что для него не представляется важным.

Нарушение собственно научной процедуры, упущения в сфере аргументации, дефицит доказательности, конечно, портили общее впечатление от работ К. Н. Леонтьева. Но важно понять главное в этом отношении – «торопливость» К. Н. Леонтьева, конечно же, являлась формальным показателем; по сути – в основе его «стилистической поспешности» лежал леонтьевский фанатизм, буквальная преданность своим теориям, идеям, догадкам, неумение и нежелание поступаться ими ни при каких обстоятельствах. Тем паче, что его фанатизм носил не столько религиозный или моральный, сколько эстетический характер (некоторые авторы определяют подобный подход как «эстетическое сверхчувство») [38, с. 237].

К. Н. Леонтьев обладал «сильным аналитическим умом», «бесспорно, имел провидческие исторические чувства», но при этом оставался «органически нефилософским человеком» [25, с. 12]. Он великолепно, буквально завораживающе формулировал образы тех или иных проблем. Но, оставаясь во-многом утилитаристом, чаще всего существовал, реализовывался в рамках естественно-научного подхода (может быть, сказывалась базовая профессия – медицина?).

С. Н. Булгаков отмечал, что К. Н. Леонтьев «недостаточно образован», «знает хорошо лишь то, что требует сила его ума», а в основе его размышлений находится «упрощенно-биологическая концепция, которая не может быть проницательной и последовательной» для всего и вся [41, с. 231].

Стоит прислушаться и к мнению Л. Н. Толстого, который «ставил К. Н. Леонтьева выше всех российских философов»; К. Н. Леонтьев, по мнению Л. Н. Толстого, своими писаниями «точно стекла выбивает, но такой выбиватель стекол больше мне нравится» [86, с. 11].

Таким образом, одной из главных внешних особенностей творчества К. Н. Леонтьева является его противоречивость, которую можно представить как формальное отражение стремления оригинальничать, быть непохожим на всех прочих. Но, по сути, его диалектическая составляющая проистекала из множественности методологии. Это формально-логически недопустимо, но конкретно в рамках леонтьевской попытки понимать себя и окружающий мир (методологический дуализм) приводит к определенным результатам в понимании культуры, цивилизации, смысла жизни, смерти, понимания божественного и мн. др. Кредо К. Н. Леонтьева базируется на принципиальных основаниях персоналистского подхода и эстетико-романтического метода. К числу базовых фрагментов его мирозерцания мы относим такие константы, как упоминавшийся дуализм, система сдерживающих барьеров гносеологического назначения, особое – завершенное и самоценное – понимание красоты и общесоциологическую направленность его творчества. Определение политико-литературного портрета К. Н. Леонтьева предполагает выделение и разрешение следующих проблем:

– В какой мере его можно отнести к лагерю консервативной реакции, если современники часто квалифицировали его идеи как «революционную реакционность»?

– В какой мере творчество К. Н. Леонтьева было понятно окружающими?

– Леонтьевские нарративы дают нам возможность считать его в большей степени ученым-философом или публицистом?

– Какова цена торопливой лихости его социально-политических и философских оценок?

Думается, что отсутствие однозначных ответов на вышеуказанные вопросы порождает самые высокие ожидания плодотворности будущих исследований жизни и творчества К. Н. Леонтьева.

Библиографический список

1. Авдеева, Л. Р. «Восток, Россия и славянство» [Текст] / Л. Р. Авдеева // Русская философия : словарь. – М. : Республика, 1995. – С. 97-98.
2. Авдеева, Л. Р. К. Н. Леонтьев: пророк или «одиноким мыслитель» [Текст] / Л. Р. Авдеева // Социально-политический журнал. – 1992. – № 8. – С. 85-91.
3. Авдеева, Л. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] / Л. Авдеева // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1996. – С. 305-307.

4. Аверьянов, В. А., Маслин, М. А. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева [Текст] / В. А. Аверьянов, М. А. Маслин // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С. 157-159.

5. Бердяев, Н. А. К. Леонтьев – философ реакционного романтизма [Текст] / Н. А. Бердяев // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 208-234.

6. Бердяев, Н. А. Константин Леонтьев. Очерки из истории русской религиозной мысли [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 3-225.

7. Богословский, А. Н. «Вариант моей биографии в XIX веке»: Юрий Иваск и Константин Леонтьев [Текст] / А. Н. Богословский // Человек. – 1994. – № 2. – С. 170-194.

8. Бочаров, С. «Ум мой укротить я не могу» [Текст] / С. Бочаров // Литературная газета. – 1991. – 28 декабря. – С. 11.

9. Булгаков, С. Н. Победитель – Победенный. (Судьба К. Н. Леонтьева) [Текст] / С. Н. Булгаков // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 376-392.

10. Губанков, Н. Н. К критике концепции культурологического цикла: (учение К. Н. Леонтьева о динамике культуры и современность) [Текст] / Н. Н. Губанков // Проблемы диалектики. – Вып. VIII. – Идеалистическая диалектика XX века: Критический аспект. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1978. – С. 144-160.

11. Губанков, Н. Н. О социально-классовых нормах эстетизма в буржуазной культурологии. (На материалах анализа полемики Л. Н. Толстого и К. Н. Леонтьева) [Текст] / Н. Н. Губанков // Вопросы культуры и искусства в преподавании общественных наук : сборник статей. – Л. : ЛПИТМиК им. Н. К. Черкасова, 1986. – С. 71-80.

12. Дамье, Н. В. К. Н. Леонтьев и классическое славянофильство [Текст] / Н. В. Дамье // Кентавр. – 1994. – № 1. – С. 32-48.

13. Долгов, К. М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева [Текст] / К. М. Долгов. – М. : Раритет, 1997. – 339 с.

14. Дурылин, С. Н. В своем углу: Из старых тетрадей [Текст] / С. Н. Дурылин. – М. : Московский рабочий, 1991. – 336 с.

15. Загоруйко, К. Ф. Русская социально-политическая мысль XIX века: К. Н. Леонтьев [Текст] / К. Ф. Загоруйко // РЖ. Социология и гуманитарные науки. Отечественная литература. Сер. 4. Государство и право. – 1996. – № 4. – С. 22-28.

16. Зайцев, К. Любовь и страх (Памяти Константина Леонтьева) [Текст] / К. Зайцев // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 2. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 197-228.

17. Закрежевский, А. Г. Литературные впечатления [Текст] / А. Г. Закрежевский // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 265-270.

18. Замираев, Г. И. Памяти К. Н. Леонтьева [Текст] / Г. И. Замираев // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 200-207.

19. Иванова, Е. К. Н. Леонтьев: судьба и идеи [Текст] / Е. Иванова // Литературная учеба. – 1992. – Кн. 1-2-3. – Январь – Июнь. – С. 135-139.

20. Иванов, Г. В. Страх перед жизнью. Константин Леонтьев и современность [Текст] / Г. В. Иванов // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 2. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 187-196.

21. Иваск, Ю. П. «Еще поборемся!» [Текст] / Ю. П. Иваск // Человек. – 1994. – № 2. – С. 170-177.

22. К. Н., Леонтьев. Письма из Оптиной пустыни [Текст] / К. Н. Леонтьев // Литературная учеба. – 1996. – Кн.

Третья. Май – Июнь. – С. 141-173.

23. Козырев, А. П. Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников [Текст] / А. П. Козырев // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 417-435.

24. Корольков, А. А. Пророчества Константина Леонтьева [Текст] / А. А. Корольков. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1991. – 200 с.

25. Котельников, В. А. Оптина пустынь и русская литература (статья третья) [Текст] / В. А. Котельников // Русская литература. – 1989. – № 4. – С. 3-20.

26. Леонтьев, К. Н. Избранные письма (1854-1891) [Текст] / К. Н. Леонтьев. – СПб. : Пушкинский фонд, 1993. – 640 с.

27. Мережковский, Д. С. Странное дитя [Текст] / Д. С. Мережковский // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 241-249.

28. Мячин, А. Г. Константин Леонтьев, русский консерватизм и восточный вопрос [Текст] / А. Г. Мячин // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 1998. – № 1. – С. 56-66.

29. Носов, С. Судьба идей Константина Леонтьева [Текст] / С. Носов // Леонтьев, К. Н. Избранные письма. (1854-1891) [Текст] / К. Н. Леонтьев. – СПб. : Пушкинский фонд, 1993. – С. 3-12.

30. Поселянин (Погожев), Е. Н. Леонтьев. Воспоминания [Текст] / Е. Н. Поселянин (Погожев) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 181-199.

31. Рабкина, Н. А. «Византизм» Константина Леонтьева [Текст] / Н. А. Рабкина // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 28-44.

32. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев [Текст] / В. В. Розанов. – М. : Республика, 2001. – 477 с.

33. Сергеев, С. Единороство с эпохой [Текст] / С. Сергеев // Литературная Россия. – 1991. – № 3(47). – 22 ноября. – С. 20-21.

34. Сергеев, С. Стальной панцирь. Феномен Константина Леонтьева. К 170-летию со дня рождения [Текст] / С. Сергеев // Независимая газета. – 2001. – 25 января. – С. 16.

35. Струве, П. Б. Константин Леонтьев [Текст] / П. Б. Струве // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 2. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 180-186.

36. Тихомиров, Л. А. Русские идеалы и К. Н. Леонтьев [Текст] / Л. А. Тихомиров // Литературная газета. – 1992. – Кн. 1-2-3. – Январь – Июнь. – С. 152-159.

37. Трубецкой, С. Н. Разочарованный славянофил [Текст] / С. Н. Трубецкой // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 123-159.

38. Франк, С. Л. Миросозерцание Константина Леонтьева [Текст] / С. Л. Франк // К. Н. Леонтьев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб. : РХГИ, 1995. – С. 235-240.

39. Ю. П. Иваск – А. Н. Богословскому [Текст] / Ю. П. Иваск // Человек. – 1994. – № 2. – С. 186.

40. Янов, А. Л. Трагедия великого мыслителя (По материалам дискуссии 1890-х гг.) [Текст] // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 61-68.

41. Япин, С. Б. Константин Николаевич Леонтьев [Текст] / С. Б. Япин // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. – Вып. 1. – М. : Книга, 1997. – С. 289-296.

Reference List

1. Avdeeva, L. R. «Vostok, Rossija i slavyanstvo» = «The East, Russia and Slavic peoples» [Текст] / L. R. Avdeeva // Russkaja filosofija : slovar'. – M. : Respublika, 1995. – S. 97-98.

2. Avdeeva, L. R. K. N. Leont'ev: prorok ili «odinokij myslitel'» = K. N. Leontiev: prophet or «lonely thinker» [Текст] / L. R. Avdeeva // Social'no-politicheskij zhurnal. – 1992. – № 8. – S. 85-91.

3. Avdeeva, L. Leont'ev Konstantin Nikolaevich = Leontiev Konstantin Nikolaevich [Текст] / L. Avdeeva // Russkaja filosofija. Malyj jenciklopedicheskij slovar'. – M. : Nauka, 1996. – S. 305-307.

4. Aver'janov, V. A., Maslin, M. A. Voshozhdenie na Afon. Zhizn' i mirosozercanie Konstantina Leont'eva = Climbing Athos. Konstantin Leontiev's life and world view [Текст] / V. A. Aver'janov, M. A. Maslin // Voprosy filosofii. – 1999. – № 5. – S. 157-159.

5. Berdjaev, N. A. K. Leont'ev – filosof reakcionnogo romantizma = K. Leontiev is a philosopher of reactionary romanticism [Текст] / N. A. Berdjaev // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 208-234.

6. Berdjaev, N. A. Konstantin Leont'ev. Oчерки iz istorii russkoj religioznoj mysli = Konstantin Leontiev. Essays from history of the Russian religious thought [Текст] / N. A. Berdjaev. – M. : AST: AST MOSKVA: HRANITEL', 2007. – S. 3-225.

7. Bogoslovskij, A. N. «Variant moej biografii v XIX veke»: Jurij Ivask i Konstantin Leont'ev = «Version of my biography in the XIX century»: Yuri Ivask and Konstantin Leontiev [Текст] / A. N. Bogoslovskij // Chelovek. – 1994. – № 2. – S. 170-194.

8. Bocharov, S. «Um moj ukrotit' ja ne mogu» = «I cannot subdue my mind» [Текст] / S. Bocharov // Literaturnaja gazeta. – 1991. – 28 dekabrja. – S. 11.

9. Bulgakov, S. N. Pobeditel' – Pobezhdenyj. (Sud'ba K. N. Leont'eva) = The winner – Defeated. (K. N. Leontiev's fate) [Текст] / S. N. Bulgakov // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 376-392.

10. Gubankov, N. N. K kritike koncepcii kul'turologicheskogo cikla: (uchenie K. N. Leont'eva o dinamike kul'tury i sovremennost') = To criticism of the concept of a cultural cycle: (K. N. Leontiev's doctrine about dynamics of culture and the present) [Текст] / N. N. Gubankov // Problemy dialektiki. – Vyp VIII. – Idealisticheskaja dialektika HH veka: Kriticheskij aspekt. – L. : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1978. – S. 144-160.

11. Gubankov, N. N. O social'no-klassovykh normah jestetizma v burzhuažnoj kul'turologii (Na materialah analiza polemiki L. N. Tolstogo i K. N. Leont'eva) = About social-class norms of estheticism in bourgeois cultural science. (On materials of the analysis of polemic of L. N. Tolstoy and K. N. Leontiev) [Текст] / N. N. Gubankov // Voprosy kul'tury i iskusstva v prepodavanii obshchestvennykh nauk : sbornik statej. – L. : LGITMIK im. N. K. Cherkasova, 1986. – S. 71-80.

12. Dam'e, N. V. K. N. Leont'ev i klassicheskoe slavyanofil'stvo = K. N. Leontiev and classical Slavophilism [Текст] / N. V. Dam'e // Kentavr. – 1994. – № 1. – S. 32-48.

13. Dolgov, K. M. Voshozhdenie na Afon. Zhizn' i mirosozercanie Konstantina Leont'eva = Climbing Athos. Life and Konstantin Leontiev's world view [Текст] / K. M. Dolgov. – M. : Raritet, 1997. – 339 s.

14. Durylin, S. N. V svoem uglu: Iz starykh tetradej = In the corner: From old notebooks [Текст] / S. N. Durylin. – M. : Moskovskij rabochij, 1991. – 336 s.

15. Zagorujko, K. F. Russkaja social'no-politicheskaja mysl' XIX veka: K. N. Leont'ev = Russian socio-political thought of the XIX century: K. N. Leontiev [Tekst] / K. F. Zagorujko // RZh. Sociologija i humanitarnye nauki. Otechestvennaja literatura. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo. – 1996. – № 4. – S. 22-28.
16. Zajcev, K. Ljubov' i strah (Pamjati Konstantina Leont'eva) = Love and fear (Konstantin Leontiev's Memories) [Tekst] / K. Zajcev // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 2. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 197-228.
17. Zakrzhevskij, A. G. Literaturnye vpechatlenija = Literary impressions [Tekst] / A. G. Zakrzhevskij // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 265-270.
18. Zamaraev, G. I. Pamjati K. N. Leont'eva = K. N. Leontiev's memories [Tekst] / G. I. Zamaraev // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 200-207.
19. Ivanova, E. K. N. Leont'ev: sud'ba i idei = K. N. Leontiev: destiny and ideas [Tekst] / E. Ivanova // Literaturnaja ucheba. – 1992. – Kn. 1-2-3. – Janvar' – Ijun'. – S. 135-139.
20. Ivanov, G. V. Strah pered zhizn'ju. Konstantin Leont'ev i sovremennost' = Fear of life. Konstantin Leontiev and present [Tekst] / G. V. Ivanov // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 2. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 187-196.
21. Ivask, Ju. P. «Eshhe poboremsja!» = «We will fight!» [Tekst] / Ju. P. Ivask // Chelovek. – № 2. – S. 170-177.
22. K. N., Leont'ev. Pis'ma iz Optinoj pustyni = Letters from Optina Pustyn [Tekst] / K. N. Leont'ev // Literaturnaja ucheba. – 1996. – Kn. Tret'ja. Maj – Ijun'. – S. 141-173.
23. Kozyrev, A. P. Konstantin Leont'ev v «zerkalah» naslednikov = Konstantin Leontiev in successors' «mirrors» [Tekst] / A. P. Kozyrev // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 417-435.
24. Korol'kov, A. A. Prorochestva Konstantina Leont'eva = Konstantin Leontiev's prophecies [Tekst] / A. A. Korol'kov. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1991. – 200 s.
25. Kotelnikov, V. A. Optina pustyn' i russkaja literatura (stat'ja tret'ja) = Optina Pustyn and Russian literature (The third article) [Tekst] / V. A. Kotelnikov // Russkaja literatura. – 1989. – № 4. – S. 3-20.
26. Leont'ev, K. N. Izbrannye pis'ma (1854-1891) = Selected letters (1854-1891) [Tekst] / K. N. Leont'ev. – SPb. : Pushkinskij fond, 1993. – 640 s.
27. Merezhkovskij, D. S. Strannoe ditja = A strange child [Tekst] / D. S. Merezhkovskij // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 241-249.
28. Mjachin, A. G. Konstantin Leont'ev, russkij konservatizm i vostochnyj vopros = Konstantin Leontiev, Russian conservatism and the Eastern Question [Tekst] / A. G. Mjachin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. – 1998. – № 1. – S. 56-66.
29. Nosov, S. Sud'ba idej Konstantina Leont'eva = Fate of Konstantin Leontiev's ideas [Tekst] / S. Nosov // Leont'ev, K. N. Izbrannye pis'ma. (1854-1891) [Tekst] / K. N. Leont'ev. – SPb. : Pushkinskij fond, 1993. – S. 3-12.
30. Poseljanin (Pogozhev), E. N. Leont'ev. Vospominanija = E. N. Leontiev. Memoirs [Tekst] / E. N. Poseljanin (Pogozhev) // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 181-199.
31. Rabkina, N. A. «Vizantizm» Konstantina Leont'eva = «Byzantizm» of Konstantin Leontiev [Tekst] / N. A. Rabkina // Istorija SSSR. – 1991. – № 6. – S. 28-44.
32. Rozanov, V. V. Sobranie sochinenij. Literaturnye izgnanniki: N. N. Strahov, K. N. Leont'ev = Collected works. Literary exiles: N. N. Strakhov, K. N. Leontiev [Tekst] / V. V. Rozanov. – M. : Respublika, 2001. – 477 s.
33. Sergeev, S. Edinoborstvo s jepohoj = Single fight with the era [Tekst] / S. Sergeev // Literaturnaja Rossiya. – 1991. – № 3(47). – 22 nojabrja. – S. 20-21.
34. Sergeev, S. Stal'noj pancir'. Fenomen Konstantina Leont'eva. K 170 letiju so dnja rozhdenija = Steel armor. Konstantin Leontiev's phenomenon. To the 170th anniversary since birth [Tekst] / S. Sergeev // Nezavisimaja gazeta. – 2001. – 25 janvarja. – S. 16.
35. Struve, P. B. Konstantin Leont'ev = Konstantin Leontiev [Tekst] / P. B. Struve // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 2. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 180-186.
36. Tihomirov, L. A. Russkie idealy i K. N. Leont'ev = Russian ideals and K. N. Leontiev [Tekst] / L. A. Tihomirov // Literaturnaja gazeta. – 1992. – Kn. 1-2-3. – Janvar' – Ijun'. – S. 152-159.
37. Trubeckoj, S. N. Razocharovannyj slavjanofil = The disappointed Slavophile [Tekst] / S. N. Trubeckoj // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 123-159.
38. Frank, S. L. Mirosozercanie Konstantina Leont'eva = Konstantin Leontiev's world view [Tekst] / S. L. Frank // K. N. Leont'ev: pro et contra. – Kn. 1. – SPb. : RHGI, 1995. – S. 235-240.
39. Ju. P. Ivask – A. N. Bogoslovskomu = Yu. P. Ivask to A. N. Bogoslovsky [Tekst] / Ju. P. Ivask // Chelovek. – 1994. – № 2. – S. 186.
40. Janov, A. L. Tragedija velikogo myslitelja (Po materialam diskussii 1890 h gg.) = The tragedy by the great thinker (On materials of the discussion in 1890-s) [Tekst] // Voprosy filosofii. – 1992. – № 1. – S. 61-68.
41. Japin, S. B. Konstantin Nikolaevich Leont'ev = Konstantin Nikolaevich Leontiev [Tekst] / S. B. Japin // Russkie filosofy (konec XIX – seredina HH veka): Antologija. – Vyp. 1. – M. : Kniga, 1997. – S. 289-296.